

АЛЕКСЕЙ СУКОНКИН

СПЕЦНАЗОВСКИЕ
БАЙКИ

Алексей Сергеевич Суконкин

Спецназовские байки

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41866379
Спецназовские байки / Алексей Суконкин: Авторское; 2019*

Аннотация

Самая полная версия книги Алексея Суконкина «Спецназовские байки», в которой автор в коротких, но ёмких по своему содержанию рассказах, показывает Российскую армию через призму здорового армейского юмора, уместного даже в самых сложных и критически тяжелых ситуациях, где умелые бойцы и командиры способны радоваться последним осколкам жизни... а если по существу, то прочитав эту книгу, станет понятно, почему военные упорно считают, что тот, кто в армии служил, тот в цирке не смеется!

Содержание

Часть 1	4
Стрелять, так стрелять	4
Если ты мужик!	14
Сломанный прицел	25
Пьянству бой	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Суконкин

Спецназовские байки

Часть 1

Разведчиками не рождаются

Стрелять, так стрелять

Моя вера в абсолютную непобедимость Красной Армии и в непревзойденное благородство и профессионализм её воинов рухнули именно в тот момент, когда меня самого призывали служить срочную службу.

Это был памятный день 19 мая. В городе нас, десять призывников, посадили в поезд, родные помахали руками на прощание, и поезд пошел. Мой одноклассник Андрюха Муковоз ехал на КСП (краевой сборный пункт) с большим сияньком под глазом – бандитом он был еще тем, и с первого класса не пропускал ни одной потасовки. Под самый призыв он намахнул лишнего, и видать что-то с кем-то не поделил, за что и поплатился впечатляющим «фофаном». Кроме меня, Андрея и остальных призывников, был еще долговязый прапор из военкомата, который всю дорогу бестолково сует-

тился, вопил по чем зря, и просил особо отъявленных сильно не нажираться. Водки было много и особо отъявленные, понимая, что на краевом сборном пункте водку все равно отнимут, пили как не в себя. Я тогда еще придерживался здорового образа жизни, и выпил не больше поллитра, а вот Андрюха Муковоз был особо отъявленным и утром, во Владивостоке, ему трудно было передвигаться из-за сильной головной боли и остаточного опьянения. Это меня забавляло, и я его постоянно подначивал.

Краевой сборный пункт представлял собой П-образное здание дореволюционной постройки, в котором заседала ВВК (военно-врачебная комиссия), а так же находилось временное жилье для тех, кого не успели развести по воинским частям в течение рабочего времени ВВК. Когда мы приехали, во дворе стояло несколько человек из числа тех, кто провел здесь ночь. У всех были красные глаза. Выяснилось вот что: как это водится, народ, прощаясь с гражданской жизнью, отмечал уход в армию (кто-то на флот) с размахом. Пили много, закусывали мало. Потом начали колотить друг другу рожи, что не было воспринято руководством сборного пункта как нормальное развитие событий. В общем, руководство зашло в это подобие казармы, и для успокоения призывных масс применило слезоточивый газ. Там отравленные газом и провели остаток ночи.

По результатам комиссии меня и Муковоза в армию временно не пустили. Меня из-за того, что мне удалось убедить

комиссию, что российской армии больше нужен водитель, чем не водитель (через несколько дней я ожидал экзамены в автошколе, в которой отучился за родительские деньги), а Андрея просто побоялись отправлять в войска с таким сияньем под глазом. Это был как раз тот период, когда комитет солдатских матерей только набирал силу, и командиры еще не знали, какую именно суровую военную действительность прятать от комитета. На сборном пункте решили, что будет лучше, если Муковоз повременит немного с армией, а армия повременит немного с Муковозом. Меня и Муковоза отправили на несколько дней домой.

На обратном пути мы купили четыре бутылки пива, и в ожидании своего поезда сели на открытой площадке морского вокзала (от железнодорожного его разделяет только акведук) с прекрасным видом на загаженный Владивостокский порт. Кстати сказать, что наш прапор еще утром на автобусе умотал обратно, не дожидаясь от краевого сборного пункта очередных армейских сюрпризов. Поэтому руководство КСП скрепя сердце приняло смелое решение направить нас обратно самостоятельно и даже выдало проездные документы.

На соседней лавочке сидел какой-то мужчина, в строгом костюме, в шляпе, с портфелем у ноги и газетой в руках. Через какое-то время со стороны акведука раздался громкий галдеж, и я увидел толпу цыганок, идущую в нашу сторону. Я даже залюбовался их пёстрыми одеждами, но Андрей знал

что-то другое, про возможности этих женщин.

– Делай как я! – мгновенно он соскочил с лавочки, ударил бутылкой о бетонное основание скамьи, превращая пивную тару в «розочку» – весьма эффективное холодное оружие.

Я замешкался, но увидев его страшные глаза, понял, что действовать нужно немедленно. В моих руках, несмотря на достаточное количество оставшегося пива, появилась такая же «розочка», и мы спинами прижались к парапету, за которым было пространство метров в десять свободного полета.

Обходя мимо нас, цыганки сверкали глазами и кричали что-то обидное, но мы стояли, выставив перед собой битые бутылки, и они обходили нас, предпочитая не связываться. Они со всех сторон атаковали мужика, буквально закрыв его со всех сторон своими телами. Он орал, пытался сопротивляться, но это было просто невозможно – из этой человеческой кучи выбегали цыганки, с какой-нибудь шмоткой в руках, и бежали прочь. Когда, через минуту, они отступили и бросились в рассыпную, мужик стоял возле лавочки в одних трусах, беспомощно озираясь в поисках милиции. Но стражей порядка нигде не было.

– Уходим, – предложил Андрей, и мы быстрым шагом покинули это место, переместившись вовнутрь морского вокзала, где вероятность подобного ограбления была все же ниже, чем на открытой площадке.

Вскоре поезд увез нас в родной город.

Через пару дней отец привел меня к местному начальнику

милиции с просьбой в виде исключения принять у меня экзамены по вождению, так как вдруг выяснилось, что экзамены на ближайшие дни отменили. На что начальник милиции сказал, чтобы я просто пришел за своим водительским удостоверением в пять часов вечера. Дело было в том, что на тот момент времени мой отец был еще при власти, и подобные вопросы решались походя (я даже потом понял, что если бы я захотел, то он легко бы смог «отмазать» меня от армии, но в семье мы и мысли не допускали о подобном развитии событий). Я даже вначале переспросил главного милицейского начальника, сколько и куда нужно заплатить, на что он просто повторил свою фразу. В пять часов вечера в отделении ГАИ я забрал права, и до отхода ко сну был самым счастливым человеком на земле.

В российской армии я оказался через две недели. На первом же построении психолог окружной бригады связи, куда я попал, майор Хлестовский, сказал:

– Запомните, бойцы, главное военное правило – «человек, это такая скотина, которая ко всему привыкает».

Потом он что-то говорил о том, как нужно стойко переносить тяготы и лишения военной службы. Пару дней спустя пьяный прапорщик Белоусов так объяснял положения Устава относительно преодоления этих тягот и лишений:

– Мы, офицеры и прапорщики вам создаем тяготы и лишения службы, а вы, солдаты и сержанты, должны их стойко и мужественно переносить...

Это тоже было правдой. Тогда у меня и пошатнулась вера в наши вооруженные силы.

Ну так вот. Все мои представления о мастерстве наших военных окончательно рухнули в тот день, когда нас перед присягой привезли на стрелковый полигон. Каждый боец Красной Армии перед присягой должен отстрелять из автомата несколько патронов, по всей видимости, для того, чтобы иметь хоть отдаленное представление, что это за кусок железа, с которым нужно принимать священную клятву. Помню, что за день до стрельбы ротный, фамилию которого я даже не старался запомнить, выразил уверенность, что хоть один из нас хоть раз попадет в мишень. Весь день народ в роте молодого пополнения рассказывал друг другу истории о том, как и где кто-то стрелял, типа «да я в глаз белку бил...». С 12 лет я занимался стрелковым спортом – пулевой стрельбой, и к 16 годам выполнил норматив кандидата в мастера спорта по стрельбе из пистолета. Потом Советский Союз начал неудержимо распадаться, а с ним и система ДОСААФ, которая давала возможность бесплатно заниматься стрелковым спортом и участвовать в соревнованиях – крайние соревнования, на которых мне довелось быть, прошли летом 1992 года, когда мне было 17 лет. Мне, кандидату в мастера спорта по стрельбе из пистолета, было страшно от мысли, что я буду мазать из автомата, из которого я до этого еще ни разу не стрелял. К тому же, в целях исключения возможности этими промахами снизить свой еще никак не на-

работанный «стрелковый» авторитет, я не стал никому говорить, какую имею спортивную квалификацию. Если попаду в цель, это будет большой плюс. Куда больший, чем минус для кандидата в мастера, промахнувшегося по мишени...

Когда я увидел, как стреляли на моих глазах двести солдат и около сотни офицеров, я вдруг совершенно отчетливо наконец-то понял, почему наши генералы с горечью в глазах сетуют на «недостаточный уровень боевой подготовки...».

Из двухсот солдат и сотни офицеров по одному разу в мишень попали человек двадцать. По два раза попали трое. Все три мишени смогли положить только двое офицеров. И то, как мне показалось, оператор на пульте управления мишенным полем просто подыграл им, потому что стреляли в этот момент комбриг полковник Шаталов и начальник штаба бригады подполковник Екименко. После этого Шаталов долго ругал весь личный состав за тот пресловутый «недостаточный уровень боевой подготовки». Интересно мне стало, с использованием каких методов Шаталов намеревался научить бойца стрелять, если тут же полковник обронил, что... «Родина выделяет на вас огромное количество боеприпасов – двенадцать патронов, а вы, козлы вонючие...». На гражданке, только за одну тренировку, я выстреливал в среднем до тридцати патронов. В неделю у меня обычно было три тренировки. Но бывало, что перед соревнованиями приходилось за один день выстреливать по двести и более патронов. Это невероятно тяжелый, тонкий, точный и терпеливый

труд. Ничего общего с полковником Шаталовым в спортивной стрельбе нет.

Так уж получилось, что сразу за этими двумя великими стрелками стрелять выпало мне. Полковник даже не обернулся на меня, когда я проходил мимо него на огневой рубеж, и неуклюже отдавал ему честь (или то, остатки чего еще не вытравила из солдата «рота молодого пополнения»).

Делаю первый выстрел. Мишень падает. Ротный мне орет:
– Стреляй очередями!

По правилам стрельбы необходимо было стрелять короткими очередями, так как подразумевается, что неумение в прицеливании будет компенсировано количеством выпущенных пуль. Но ведь я знал, что промахнуться в такую мишень просто невозможно. По крайней мере, для человека, посвятившего спортивной стрельбе шесть лет. Прицеливаюсь. Нажимаю спуск. Выстрел. Мишень падает. Ротный орет:
– Минус балл! Очередями, гад, стреляй!

Я поворачиваюсь и нагло ору:

– Я и так попаду.

Мне предстояло поразить «пулеметный расчет».

– Я сказал – очередями! – отозвался ротный.

Тяну спуск и одиночным выстрелом валяю последнюю мишень. Ротный орет:

– Минус два балла. Общая оценка – удовлетворительно.

Все, кто служил в армии и выполнял это упражнение, подтвердят – именно так и ставится оценка за стрельбу. Два оди-

ночных выстрела подряд – минус балл. Три подряд – минус два балла.

Я спрашиваю:

– У меня девять патронов осталось. Куда их?

– Выстреливай туда, – ротный махнул рукой в сторону мишеней. Он потерял ко мне всякий интерес.

На мое несчастье эту стрельбу видел командир разведывательной роты. Он попросил меня повторить стрельбу. Подняли девять мишеней. Шаталов и Екименко подошли к огневому рубежу и не слова не сказали спецназовскому ротному. Я сделал девять выстрелов. Все мишени легли. Я обернулся на своих великих командиров. Надо было видеть их рожи...

Ротный улыбнулся и подмигнул мне. Неожиданно для самого себя я подмигнул ему в ответ. Отдельная рота специального назначения армейского корпуса базировалась на территории мотострелковой дивизии, являясь, по сути, самостоятельной войсковой частью. Командир роты набирал к себе бойцов со всех подразделений дивизии – и набирал только тех, кого считал нужным набрать.

Через три месяца я распрощался с бригадой связи навсегда. Но даже будучи снайпером в отдельной роте специального назначения, я всегда чувствовал, что стреляю на порядок лучше, чем все, с кем мне приходилось соревноваться. Виной тому был опыт спортивной стрельбы и понимание разницы между стрельбой спортивной и стрельбой боевой, снайперской. Я брал наставление по СВД и читал его ночами,

разбираясь с таблицами стрельбы. Я своими руками собрал небольшой метеопост, украв в санчасти термометр, а в кабинете замполита старый барометр и самостоятельно изготовив прибор для измерения скорости и направления ветра. С помощью этого метеопоста я научился быстро готовить данные для стрельбы на расстояния более патисот метров. После моей демобилизации этот переносной метеопост остался в роте, и, наверное, сгнил еще до того, как были расформированы почти все роты специального назначения. За период службы в этой роте я дважды занимал первое место на сборах снайперов.

Позже я видел армейских снайперов, которые не знали что такое траектория полета пули, не говоря уже о деривации или упреждении. Они в глаза никогда не видели таблицы стрельбы. Стреляли они только по наитию, выставляя дальность в виде исключения. Их просто этому никто не учил. Эти снайпера, в числе прочих войск, пошли на новогодний штурм Грозного. Сколько погибло парней только потому, что они просто НЕ УМЕЛИ СТРЕЛЯТЬ.

Потому что... *«Родина выделяет на вас огромное количество боеприпасов – двенадцать патронов, а вы, козлы вонючие...!»*

Если ты мужик!

Отдельная рота специального назначения в месте своей постоянной дислокации ждала генерала Сивакова. Сие событие всегда вносило в размеренную жизнь роты свежую струю радостного вдохновения. На памяти рядового Черкасова до этого генерал Сиваков был в расположении роты всего один раз. Тогда еще ротному сильно досталось за одного группника, который нажрался накануне и не смог обеспечить свое появление на разводе. После того тяжелого случая лейтенант Власов был передан в распоряжение командира разведбата мотострелковой дивизии, где он (как бывший спецназовец) быстро стал командиром роты разведки... и ни о чем не жалел.

Но речь не про Власова, речь про Сивакова. Генералом Сиваковым именовался начальник разведки округа, непосредственный начальник всех разведывательных частей прославленного Краснознаменного Дальневосточного.

Сиваков славился своим крутым характером, и командиры всей мастей его побаивались. Сиваков умел держать вверенные ему разведподразделения в ежовых рукавицах. В свое время Сиваков командовал разведбатом одной из мотострелковых дивизий Ограниченного Контингента Советских Войск в Афганистане, а потому его можно было смело называть боевым офицером, знающим что нужно для боевой го-

товности войск. Но подчиненные всех уровней считали, что в первую очередь глаз генерала должен упиваться безупречным порядком на территории подчиненной ему разведывательной части.

Так вот, когда его ждала какая-либо разведчасть, в этой части происходили странные дела – почему-то весь личный состав вдруг бросал все свои занятия (даже контрактники переставали в каптерке играть в нарды) и рьяно приступал к наведению порядка. Порядок, как и во всех других частях нашей славной непобедимой армии, определялся убранностью снега (зимой), подстриженностью травы (летом), наличием (количеством) запасенной по этому случаю красной икры (из Амура) и водки из соседнего магазина (во все периоды). Ну, и общим порядком в расположении и на территории. В каждой части были свои особенности. К примеру, в окружной бригаде специального назначения достаточно было только красить свежей краской торцы боксов с техникой спецрадиосвязи, и время от времени подновлять памятник погибшим в Афганистане – все равно развал жилого фонда был такой, что никакими припарками не исправишь. Бригада была любимой частью Сивакова, и поэтому он на некоторые недостатки в ней иногда закрывал глаза. Однако командование другой разведывательной части – радиотехнической бригады особого назначения, попав как-то в немилость, было вынуждено построить ослепительно прямую и чудовищно ровную дорогу до автомобильной трассы – как по натяну-

той нитке, хоть из пушки стреляй (за исключением небольшого участка прямо перед КПП части – командир пошел на повышение, и про стройку дороги забыли). Везде были свои причуды. Отдельной роте в этом отношении повезло – в первый приезд генерала хватило только выравнивания артиллерийским тягачом МТ-ЛБ двух деревьев у КПП... но и сие действие легло тяжким грузом только на начальника разведки дивизии, на территории которой базировалась рота.

Командир отдельной роты майор Иванов посмотрел на свое доблестное воинство и почесал затылок. В строю стояло два командира разведывательных групп (в простонародье – «группен-фюреры»), командир группы спецрадиосвязи, заместитель по борьбе с личным составом, заместитель по ВДС, старшина роты, пять контрактников и двадцать срочников. По штату в отдельной роте специального назначения должно быть 115 человек в пяти группах. Такое количество людей в роте может быть только в военное время или в угрожаемый период, в мирное время хватало вполне и того, что сейчас стояло перед майором Ивановым.

– Получена новая вводная, – говорит Иванов с дрожью в голосе. – Из восьмьдесят второго отряда мне только что сообщили, что генерал у них проверил содержимое прикроватных тумбочек, каптерок, бытовок, парашютного склада, оружейной комнаты. Так же проверялось знание личного состава по темам: разведывательные признаки расположения китайского артиллерийского дивизиона на огневой позиции,

ведение разведки ночью в городе, уничтожение электротехнических аэродромных объектов, подрыв железнодорожного полотна. Через двадцать минут всем это знать! Генерал на вертолете уже направляется к нам. Так, Костин!

– Я! – бодро отзывается командир первой группы, глаза которого еще красны от ночного бдения с лебедями на берегу грациозного Амура.

– Со своей группой отправляетесь в распоряжение, наводите там полный порядок.

– Есть! – подчеркнуто четко кричит лейтенант.

– Гришин!

– Я! – отзывается командир второй группы.

– Парашютный склад, пункт приема личного состава, территория возле казармы!

– Так это, товарищ майор, территория возле казармы за разведбатом закреплена.

– Я знаю. Но кого драть будут, как не нас?

– Но...

– Выполнять!

– Есть.

– Капитан Шевченко!

– Я, – замполит скривился как червивый гриб.

– Контролируете работы на территории и в расположении!

– Есть...

Костин заводит первую группу в распоряжение. Осматривает фронт работ. Рота специального назначения занимает

половину четвертого этажа казармы. На третьем этаже живет разведывательный батальон мотострелковой дивизии вместе с радиоразведкой. Четвертый этаж занимает рота спецназа и разведывательно-десантная рота разведывательного батальона (или по-другому – рота глубинной разведки). Половина казармы принадлежит спецразведке – на правах отдельной части. Вместе с этой половиной в придачу есть бытовка, сушилка, каптерка, оружейка, ленкомната, спортуголок, канцелярия роты, курилка, умывальник и туалет. Наряд по роте уже шуршит толчок.

– Та-ак... Костин заканчивает осмотр фронта работ. – Ты, – палец упирается в грудь рядового Черкасова. – Ты, как наиболее подготовленный писарь, будешь убираться в каптерке. Задача ясна?

– Никак нет... – Черкасов принимает положенное в таких случаях тупое выражение лица. Условия игры «я начальник – ты дурак» ему известны с первого дня службы в нашей легендарной армии.

– Заходим...

Офицер и разведчик заходят в каптерку. Каптерка представляет собой комнату метров шесть шириной и восемь длиной. Два окна. Вдоль стены ряд полок, на которых навалено всякого военного добра: бронежилеты, каски, подсумки, нагрудники, рюкзаки десантника, противогазы. Если хорошо поискать, можно найти столько всего интересного... лет на пять.

Костин идет вдоль полок и выдергивает, что плохо лежит. Плохо лежащее падает на пол.

– Здесь все... все... все убрать. И что бы чисто. Ясно?

Постановка задачи вполне убедительна и доступна. Черкасов кивает:

– Ясно, товарищ лейтенант, но одному никак мне не справиться. Нужен толковый помощник.

– Матюшин!

В каптерку заваливает сержант Матюшин.

– Будешь тут руководить. И что бы... если... сам понимаешь... голову сниму...

– Есть!

Матюшин вытягивается перед лейтенантом, получает в пресс дружеский удар кулаком и напутствие:

– Смотри у меня...

Костин выходит. Черкасов и Матюшин смотрят друг на друга. Теперь нужно вываленные лейтенантом манатки снова аккуратно втолкнуть на полках между рюкзаками и противогазами.

Через двадцать минут забегает ротный, видит, что работа проводится только «косметическая», проходит вдоль полок и вываливает на пол все, что там лежит. Задышающимся голосом:

– Я же, блин, сказал... вашу мать... через два часа ОН уже будет здесь!!! А у вас еще конь не валялся...

С этими словами майор продолжает вываливать на пол

различный мусор. В числе прочего на пол падает граната РГО. Стук металла об деревянный пол. Полмгновения тишины. Квадратные глаза человека, который при своей должности-то вроде ничему не должен удивляться...

– Это что?

– Что? – Матюшин и Черкасов в один голос.

– Вот это, – указующий перст направлен на гранату.

– Граната, – в голос.

– Какая, на хрен, еще граната???

– РГО, – в голос. Далее пояснения Матюшина: – Ручная, оборонительная...

– Откуда???

– С полки, – в голос. Черкасов добавляет: – Вы же ее сами, товарищ майор, на пол сбросили...

– С какой, на хрен, полки???

– Вот с этой... вроде...

Ротный понимает, что дальнейшие разговоры с подчиненными уже не уместны. Он знает, что если провести в каптерке детальный осмотр, можно и не только гранату найти...

Иванов забирает гранату, поворачивается, что бы уйти:

– Через два часа ОН будет здесь!!! Что бы все успели!!! Я вас тут закрою, что бы вы никого не припахали... и чтоб вас никто не видел...

– Есть! – Матюшин и Черкасов вытягиваются перед своим командиром.

Ротный выходит. Ему еще много чего нужно обойти. Мно-

го чему ему еще предстоит удивиться...

Разведчики смотрят на кучу манаток, вываленных в центре каптерки. Нужно приводить каптерку в порядок...

Приборка всегда приносит много мусора. Мусор по мере продвижения накапливается в углу каптерки. Постепенно куча мусора увеличивается...

Через час в дверь бешено стучит дневальный:

– МУЖИКИ!!! РОТНЫЙ ПРИКАЗАЛ!!! СРОЧНО!!!
МУСОР!!! КУДА ХОТИТЕ!!!

– Так мы же закрыты...

Это для дневального не довод. Ему позвонил с КПП ротный и приказал. В конце приказа ротный добавил «бегом ко мне за ключами», эту фразу дневальный не расслышал...

Люди в каптерке ничего об этом не знают. Они закрыты. Дневальный:

– МУЖИКИ!!! РОТНЫЙ!!! ПРИКАЗАЛ!!!

Голос сорван. Что-то случилось. В армии часто что-то случается. Не будь она армией.

– Мы закрыты... – повторяет Черкасов.

– ДА ХОТЬ В ОКНО!!! – орет дневальный. – РОТНЫЙ ПРИКАЗАЛ!!! МУСОР!!! СРОЧНО!!!

Ну, срочно, так срочно. В окно, так в окно. Окно резко открывается, мусор вываливается вниз. Бумажки всякие крутятся в воздухе. Пыль сносит ветром в сторону. Перепачканные в солидоле тряпки, банка старой краски, пара бутылок из-под водки, остатки закуски в целлофановом пакете – это

все летит вниз.

В последний момент Черкасов успевает увидеть внизу фуражку с высокой тульей. Погоны золотые. Генеральские. Успевает спинным мозгом понять – конец. Причем полный.

А тряпки солидолные (это водилы подменка, факт, вот ведь гад, не убрал вовремя) уже фуражки генеральской коснулись...

Замерли в ожидании. Присели у окна. Спрятались. Тишина. Ужас. Обещали, что через два часа приедет. А ведь вот как – ОН уже здесь. Час всего прошел. Резерв времени – один час. Расчет времени не оправдался...

С тряпками на фуражке...

– ЭТО КТО??? – крик снизу.

Крик, леденящий душу.

Матюшин смотрит на Черкасова. Сержант мусор не высыпал, но ведь он тут старший. Плохо будет обоим.

– ЭТО КТО ПОСМЕЛ??? – снизу.

Разведчики в растерянности. Ситуация неординарная. Не каждый день начальнику разведки округа банки с краской и старый мусор на голову высыпают...

И как он только под казармой оказался???

– КТО ПОСМЕЛ??? А НУ!!! Я ЖЕ ВИДЕЛ!!! НА ЧЕТВЕРТОМ ЭТАЖЕ!!!

Сердечки у обоих разведчиков с частотой двести ударов в минуту забились. Адреналинчик-то по кровушке забежал... ох забежал...

– Я ЖЕ ВИДЕЛ!!! А НУ, ВЫСУНЬСЯ!!!

Все, или героически стреляться... или...

– А НУ, ВЫСУНЬСЯ!!! КТО ТАМ ТАКОЙ СМЕЛЫЙ!!!
ВЫСУНЬСЯ, ПОКАЖИ СВОЕ ЛИЦО!!!

Ну вот и все. Наказание неотвратимо. Отвертеться никак не возможно... только стреляться...

– НУ, КТО ТАМ ТАКОЙ СМЕЛЫЙ??? ВЫСУНЬСЯ, ЕСЛИ ТЫ НАСТОЯЩИЙ МУЖИК, А НЕ ДЕВКА СОПЛИВАЯ!!!

Матюшин посмотрел на Черкасова. Если сам генерал разведчика девкой сопливой называет... сам начальник разведки округа... какой же ты после этого разведчик?

– ПОКАЖИ СВОЮ РОЖУ, ЕСЛИ ТЫ НАСТОЯЩИЙ МУЖИК!!!

Черкасов встал, сделал одно неуловимое, но хорошо отработанное движение, и с чувством великого превосходства, уверенно и нагло выглянул в окно, с наслаждением высунувшись почти по пояс.

Стоящие внизу генерал, старший офицер по спецразведке и командир отдельной роты открыли рты.

– ВО БЛЯ... – сказал генерал. – МУЖИК... – и совсем замолчал. Надолго.

Черкасову надоело сверху смотреть на потерявшего речь генерала, и он убрал свое тело обратно в каптерку.

– Вот так, – сказал он Матюшину. – Ротный сам нам говорил: выход есть из любой ситуации. Не похож я на сопливую

девку. Не похож...

– Да, – сказал Матюшин. – Ты настоящий мужик!

Черкасов вставил ладонь под маску и одним движением руки снял с головы противогаз.

Сломанный прицел

Хоть Серега и прослужил в спецназе уже пять месяцев, под определение «разведчик» он сам себя еще не причислял. Не за что было.

За эти пять месяцев автомат Серега держал в руках всего два раза – перед присягой, когда ему дали тридцать патронов на стрельбах и в момент присяги, когда в часть приехали родные и близкие вновь принимающих присягу. И все. Остальное время «разведчики» копали какие-то траншеи, ремонтировали вечно разваленное здание казармы, меняли друг друга в кочегарке. Кто-то ходил и в караулы, но Серегу туда не ставили. Так и текла служба в элите вооруженных сил – разведке специального назначения.

До армии Серега представлял службу в спецназе преисполненную всяческого героизма: стрельбы, прыжки с парашютом, рукопашный бой, всякие там секретные заграничные командировки, в общем – один сплошной подвиг. А оказалось что? Казарма, в которой никогда не было радиаторов отопления, траншеи под непонятные ржавые трубы, тупые наряды по столовой и роте, да сплошные солдатские унижения первого периода службы...

Офицеры, на его вопрос о боевой подготовке только усмехались – «больно умный...».

Хотя, с другой стороны, дембеля говорили, что лучше

уж так, чем постоянно прозябать на полигонах или еще где... кивком как бы невзначай показывая на обелиск памяти погибшим в Афганистане бойцам бригады. Это смахивало на правильные мысли, и Серега уже было успокоился, как неожиданно грянула Чечня...

В бригаду пришел приказ подготовить один отряд и отправить его в Грозный. Выбор командования пал как раз на отряд, в котором служил Серега. Командиром отряда был майор Андреев, о котором по бригаде ходили легенды, схожие со сказками. Одна из этих легенд ведала о том, как в свое время Андреев, будучи командиром учебной роты в чирчикском учебном полку спецназа, получил приказ уничтожить склады боевой техники в одной из частей, находящейся под угрозой захвата в Таджикистане. Время было сложное и не понятное. Андреев быстро собрал наиболее толковых бойцов и вместе с тремя тоннами пластита на автомашинах совершил 400 километровый марш к расположению назначенной для уничтожения части. Прямо на ходу пришлось учить бойцов как правильно закладывать заряды, как устанавливать взрыватели, как соединять провода. Прибыв на место, Андреев организовал круговую оборону, и в течение суток заминировал всю технику, стоящую в парках и на открытых площадках хранения. Все взрыватели были выведены на одну кнопку...

Еще три дня, капитан Андреев не сомкнув глаз, просидел у кнопки в ожидании приказа свыше. Но к исходу трех суток

пришел приказ все снять, так как якобы угроза захвата уже миновала. Пластит обратно в укупорку не вернешь... пришлось с превеликой осторожностью все три тонны пластита снять, сложить в яму и уже там уничтожить. Три тонны так бабахнули, что в Ленинабаде вышибло, наверное, все стекла...

Как только рота Андреева вернулась в Чирчик, стало известно, что оппозиция захватила склады и всю технику, которая была на этих складах. Еще через пару дней в расположение бригады появился министр обороны СССР, и тут же присвоил Андрееву звание майор досрочно.

Вторая легенда подчеркивала характер Андреева – во время своего очередного отпуска он брал в части автомат, тридцать патронов, нож, спички, компас, рюкзак с песком и на три недели пропадал в глухой дальневосточной тайге. Появлялся из тайги он заросший, одичавший, искусанный комами... Отлеживался пару дней, после чего выглядел, как ни в чем не бывало. Делал он это для того, чтобы поставить свой организм на самый край человеческих возможностей, пройти по этому краю и обрести ту первобытную человеческую уверенность в своих силах перед силами матушки-природы, и перед всем остальным...

В итоге все в бригаде считали Андреева настоящим боевиком, которому под силу было возглавить командиремый в Чечню отряд.

Проблема была только в том, что Серега и его сослужив-

цы-срочники боевиками себя не считали, так как необходимыми знаниями и умениями не обладали, тяги к единению с природой не имели, думали только о том, как бы быстрее свалить из этой проклятой армии к себе домой.

Андреев бурно начал свою деятельность по подбору кадров в свой отряд. Первым делом он заявил, что с ним поедут только те, кого он сам выберет – так в отряде оказались все самые борзые бригадные залетчики и нарушители воинской дисциплины. Оставшаяся часть бригады вроде бы вздохнула свободнее, но не тут-то было. Андреев стал набирать к себе и тех, кто умел не только рожу товарищу разбить, но и тех, кто хоть что-то умел делать толковое. Так в отряд попали связисты и механики-водители на тягачи МТ-ЛБ, которые еще только предстояло получить там, в Чечне.

Вечером, проходя в расположении мимо дневального, Серега забыл отдать ему честь, и тут же был остановлен окриком дежурного по роте:

– Эй, военный! Честь отдал!!!

Серега вернулся, и снова пройдя мимо дневального, отдал ему воинское приветствие.

– Слабо... – сказал сержант Титский. – Давай еще...

После шестого раза нервы у Сереги не выдержали, и он сказал:

– Да пошел ты... – и направился в расположение.

– Что? – Титский несколько опешил, но, догнав Серегу, обнял его и по-дружески прошептал: – Вот уедут все, оста-

немся мы, вот тогда ты у меня тут попадешь... салабон...

Титский несколько раз уже прикладывался к Сереге и тот прекрасно осознавал, чем это все может закончиться. Остаться с Титским не хотелось, и поэтому как-то сами ноги принесли Серегу в канцелярию роты, где допоздна сидели Андреев и офицеры отряда.

– Товарищ майор, разрешите мне с вами в Чечню? – бодро попросился Серега, а сам подумал – подальше от Титского.

Андреев усмехнулся:

– Доброволец?

– Так точно.

– Похвально. Так, кем тебя поставить... какие у нас еще остались должности?

– Снайпер, – подсказал командир роты капитан Семенов.

– Пойдешь снайпером? – спросил Андреев.

Серега пожал плечами:

– Могу и снайпером...

– Записываем снайпером... – протянул Андреев.

С утра отряд поехал на полигон. На полигоне Серега попал в наряд по кухне. И пока отряд занимался боевой подготовкой, Серега чистил картошку, открывал банки с тушенкой, сыпал в котел чай...

Вечером к нему подошел начальник продсклада прапорщик Удалов:

– Слышь, боец, бери вот эту коробку с тушенкой и дуй за мной. Если кто потом спросит, ничего не видел и не слышал.

Понял?

– Понял, – кивнул Серега.

Он поднял коробку полную банок тушенки и двинулся вслед за прапорщиком в соседнюю деревню. Пока шли, пробираясь в ночи по кустам, Серега оттянул этой коробкой все руки, а об ветки исцарапал все лицо.

В деревне прапорщик быстро договорился с продавщицей круглосуточного киоска, после чего состоялся обмен. В награду Серега получил пачку сигарет, прапорщик же спрятал по своим карманам несколько бутылок водки.

Утром вдруг Андреев проверил свой полевой продсклад, и тут же установил, что не хватает одной коробки тушенки. Такая оперативность в раскрытии преступления могла говорить только о наличии у Андреева крепких агентурных позиций в соседней деревне, но не это обеспокоило Серегу.

Андреев долго мурыжил весь состав наряда, но так и не найдя правды, в наказание обязал всех еще сутки стоять в наряде. Серега понял, что Рэмбо из него не получится, и в Чечню он поедет обычным российским солдатом...

На третий день он все же выстрелил из автомата три рожка.

В Чечню прилетели на огромном борту – самолете Ан-124 «Руслан». На второй день пребывания в Чечне в отряде погиб капитан Миша Колесник – сын одного из «отцов» спецназа Героя Советского Союза полковника Колесника. Его под свои широкие колеса закатал КамАЗ с пьяным водите-

лем за рулем. Еще двое остались живы, один из них стал калекой на всю свою жизнь. Через семь лет после войны Серега встретил его на Владивостокском вокзале. Тот шел с палочкой...

Отряд разместился на аэродроме Моздок в двух бетонных укрытиях-ангарах для самолетов. Между ангарами выстроили свою технику, поставили палатки служб. Выставили караул.

Соседний ангар занимал «консервный заводик» – так разведчики ласково называли морг за сходство цинковых гробов с консервными банками. И было там этих консервных банок не меряно... и стояли они стройными рядами в несколько слоев...

По отряду ходили слухи, что их вот-вот бросят в Грозный, в самое пекло боев, в самую мясорубку. Получили аэрофотоснимки кварталов города. Повсюду были видны остовы сгоревшей техники и трупы, трупы...

Серега теперь с усмешкой вспоминал Титского. Уж лучше бы с ним остался...

Андреев рвался в бой, но начальник разведки округа все же принял решение дать отряду еще несколько дней для боевого слаживания, для проведения стрельб из всего вида оружия.

Полигон устроили тут же – недалеко от своего расположения. Серега со своей СВД залег на огневом рубеже. Изготавлился, загнал патрон в ствол. Крикнул руководителю

стрельб:

– К стрельбе готов!

– Огонь! – кивнул командир группы лейтенант Кочергин.

Сергеа приложился к прицелу, но ничего в него не увидел. Что за беда? Подумав, что это резиновый колпачок, провел рукой по объективу прицела. Нет, колпачок болтался сбоку. Что такое?

Сергеа еще раз посмотрел в прицел. Ничего не видно. Может, сломал там что-то внутри? Так вроде бы не бросал прицел, не ударял его...

Ладно, для разрешения необъяснимого в армии придуманы вышестоящие начальники...

– Товарищ лейтенант! У меня что-то с прицелом...

Кочергин подошел ближе:

– Что у тебя?

– Да вот, не видно в прицел ничего...

– Ну-ка, дай...

Лейтенант взял в руки винтовку и заглянул в прицел.

– Интересно...

– Вот и я говорю – что-то там случилось... – сказал Сергей.

– Не ударял? – строго спросил группник.

– Вроде нет...

– Так вроде, или нет?

– Нет.

– Может, лампочка перегорела... – размышляя, сказал

Кочергин. — Хотя, днем и так бы было видно...

Лейтенант встал:

— На, стреляй пока через открытый прицел, я сейчас ротного позову...

Лейтенант ушел. Серега лег и произвел из винтовки три выстрела, прицеливаясь обычным прицелом — который было видно под трубкой оптического. Стрелял, черт знает куда... мишени даже не дрогнули...

— Что тут случилось? — над Серегой стоял капитан Семенов.

Серега подскочил и, указывая на прицел, виновато сказал:

— Да вот, в прицел ничего не видно...

Семенов взял в руки винтовку, заглянул в прицел:

— Действительно ничего не видно... а как же ты сейчас стрелял?

— Через открытый прицел.

— Ясно.

— Что это может быть? — спросил Кочергин.

— Аккумуляторы проверяли? — важно спросил Семенов.

— Какие аккумуляторы? — поинтересовался Серега.

Он только сейчас узнал, что в прицеле могут быть какие-то аккумуляторы...

— На подсветку сетки... — сказал ротный.

— Я не знаю, — отозвался Серега.

— Как же вы, товарищ разведчик, приехали воевать, если ничего про свое оружие не знаете? Вам самому не стыдно?

Сергея не считал нужным отвечать ротному на столь глупый вопрос. Вот если бы в бригаде шло обучение как положено, тогда и вопрос этот был бы правомерен, а так...

Семенов покрутил маховички прицела, но ничего решительно не изменилось.

– Сломал, – сказал ротный. – Ясно, как Божий день. Сломал.

– Да я его сегодня первый раз в руки взял, – сказал Серега. – Он же все время в ящике у вас лежал...

– Разберемся... стреляй пока так.

Семенов и Кочергин удалились. Серега лег на землю и успел сделать еще три выстрела, как появился командир отряда.

– Ну, показывай!

Андреев протянул руку, принимая винтовку. Серега передал СВД Андрееву и смиренно стоял чуть в стороне. Андреев заглянул в прицел, хмыкнул. Посмотрел на Семенова:

– Что скажешь?

Семенов развел руками:

– Прицел не исправен.

– Факт, – кивнул Андреев. – Так, прицел после стрельбы сдать в ремонт. А сейчас пока стреляй так.

Когда командиры ушли, Серега решил изучить прицел подробнее и начал крутить маховички, переключатели... и тут что-то щелкнуло. Серега посмотрел в прицел. Отлично все было видно...

Как он потом позже узнал – это встал в режим подзарядки люминесцентный экран, предназначенный для обнаружения ночью источников инфракрасного излучения. Экран, уйдя вверх, открыл прицел. Техника была слишком умна для начинающих снайперов и бывалых командиров... и слишком проста... для начинающих снайперов...

В расположение отряда тем временем приехали донские казаки. Нужно было показать им всю крутизну войск специального назначения...

Капитан Семенов, одетый в маскхалат стоял перед выстроенными разведчиками бригады, приготовившимися показать прибывшим гостям театрализованное представление на тему «какой крутой спецназ»...

– А сейчас, уважаемые гости, мы продемонстрируем вам то, чего можно достичь за полгода службы в бригаде СПЕЦНАЗА!!!

Капитан махнул рукой, и бойцы по очереди стали разбивать об свои головы стеклянные бутылки, крушить руками и ногами кирпичи, не забывая при этом яростно кричать:

– СПЕЦНАЗ круче всех!!!

Вот только Серега стоял в сторонке и тихо посмеивался...

Пьянству бой

За три дня до Нового года разведчик-гранатометчик Вася Громов получил от родителей денежный перевод. Рота немедленно решила пропить половину всей суммы до праздника, так сказать в виде тренировки, и общим решением Громов был назначен «гонцом золотые пятки» и послан со своими деньгами в близлежащий поселок с целью закупки спиртного.

Вася незаметно покинул расположение части и побежал в магазин. В это время в роте решался вопрос закуски – кто-то побежал в столовую развести хлебореда, кто-то забрался в каптерку, где в рюкзаках могли быть остатки сухих пайков...

«Гонец золотые пятки» купил три бутылки спирта «Ройал», рассовал бутылки на себе под бушлатом и тут же нос к носу столкнулся с капитаном Ломиковым – командиром роты войсковой разведки дивизионного разведбата. Ломиков вывернул Громова наизнанку и нашел две бутылки. Со словами «солдатам спиртное не положено» Ломиков удобно разместил найденное спиртное в своих карманах и тут же удалился.

Громов вернулся в роту, держа за пазухой лишь литр спирта. Этого конечно хватило, но неприятный осадок в душе остался.

Утром на подъем пожаловал сам командир роты.

– Строится на улице! – крикнул он с самого порога. – Форма одежды номер три!

Нашкодившие коты построились на удивление быстро. Иванов посмотрел каждому подчиненному в глаза:

– Что, ребятишки, служба медом показалась? Опять вам хорошо не живется? Опять за ротой «залет»?

Четырнадцать человек стояли, опустив головы. Иванов остановился напротив Громова:

– Ладно, рассказывайте, что вчера произошло!

– Что конкретно? – спросил Громов совершенно невинным голосом.

– Про то, что было вчера.

– А вчера ничего залетного не было, товарищ майор! – уверенным тоном произнес виновник торжества.

– А если хорошо вспомнить? – спросил жестко ротный.

– Не помню ничего преступного...

Все уже поняли, что если ротный говорит только с виновником, то он точно обо всем знает.

– Значит, не помнишь?

– Не помню!

– Ну, если так, тогда будем вспоминать всей ротой! Видели, сколько навалило снега на стадионе за казармой? По грудь будет. Рота сейчас будет бегать по этой целине, пока Василий не вспомнит то, что было вчера! Всем все ясно?

– Рота ведь не виновата, товарищ майор! Откуда они могут знать? – брякнул Громов и тут же прикусил язык.

– Я знаю, что рота не виновата, – усмехнулся ротный. – Просто рота поможет тебе вспомнить. Рота на стадион бегом марш!

Рота погрузнела. Бегать по полю, где снега по грудь... в форме номер три... веселого было мало. Вышли к стадиону.

– Громов в головной дозор! – ротный усложнил жизнь Васе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.